

Томас Лукман

Аспекты теории социальной коммуникации*

I. Предварительные замечания

Сегодня практически все можно назвать коммуникацией. Поэтому возникает вопрос: означает ли это понятие еще что-нибудь? Как и другие модные понятия, например, как в свое время понятие «организм», понятие коммуникации также заявляет не столь уж неоправданную претензию на универсальность. В качестве общей метафоры оно повсеместно используется в гуманитарных науках, прежде всего в социальных, а также в создаваемых современными интеллектуальными работниками «культурного производства» различных представлениях о мире и о себе.

Для общих метафор характерна расплывчатость. Это условие их унифицирующей функции в установлении космологической достоверности высокоспециализированной научной продукции, которую различные социальные слои и группы современного общества относительно однообразно и поверхностно включают в свой взгляд на мир. Однако при всей неопределенности моделей мышления, связанных в последние два десятилетия развития науки с понятием коммуникации, они указывают на не новое, но по-прежнему важное для наук о человеке фундаментальное представление: человек не является закрытой монадой. Все в человеческом мире может ему что-то сообщить. Человек — это все еще пустой сосуд, лишь наполняемый миром, богами, «объективными раздражителями» и тому подобными вещами. Все, к чему обращается человеческое сознание, в принципе поддается истолкованию.

Именно с этим общепринятым пониманием способа человеческого существования в мире общая метафора коммуникации связывает свою главную убеждающую силу. Однако из этого отнюдь не следует, что теория коммуникации могла или даже должна была бы конституироваться как общая теория гуманитарных наук. Вне всякого сомнения, коммуникативные категории служат разъяснению конкретной intersubjectivности, *face-to-face situation*. Там они теряют свою неопределенность и становятся пригодной для употребления парадигмой (ср.: [23]). Это, безусловно, заслуживает внимания, поскольку конкретная intersubjectivность является не только прототипом социальных ситуаций, но и конститутивной основой филогенеза и усвоения общественных структур в ходе онтогенеза.

Столь распространенное сегодня применение данной метафоры за пределами указанной ситуации все же опасно. Что она вносит в теорию общественных структур, понимаются ли они как совокупность производственных отношений, согласно Марксу, как отпечаток человеческих действий в исторической действительности, согласно Веберу, как реальность *sui generis*, согласно Дюркгейму, или как обладающий собственной структурой уровень? Экологические основы общества и его основные экономические и политические институты имеют дело с коммуникацией в той мере, в какой они и предполагают, и обуславливают ее. Однако и по своей функции, и по своему строению они отнюдь не являются коммуникативными системами. Что дает общая метафора коммуникации для теории сознания, рассматривают ли последнее в качестве биофизического субстрата или как условие возможности коммуникации? Формирование процессов сознания (а именно тех, что

* *Luckmann Th. Aspekte einer Theorie der Sozialkommunikation // Luckmann Th. [Sammlung] Lebenswelt und Gesellschaft: Grundstrukturen und geschichtliche Wandlungen. Paderborn, München, Wien, Zürich: Schöningh, 1980. S. 93—121.*

© Тягунова Т., 2007.

© Центр фундаментальной социологии, 2007.

являются условием собственно коммуникативных действий) не подчиняется структурным принципам коммуникации.

Таким образом, для начала коммуникацию следовало бы определить, скорее, лишь как имя, фиксирующее проблемное поле, к которому относится область существования человека в мире, располагающаяся между сознанием — понимаемым здесь как простая самоданность, а не в трансцендентально-философском смысле — и обществом. Эту обладающую собственной структурой область следует отличать от конституирующей ее области сознания и конституированной из нее области общественного. И эта область все еще характеризуется трудно обозримым многообразием конкретных феноменов. Даже если мы отказываем общей метафоре коммуникации в космологически-расплывчатой претензии на универсальность, она все еще допускает широкую и, в той мере, в какой осуществляется ее перевод в более строгую дескриптивно-объяснительную модель, пока еще кажущуюся достаточно гетерогенной сферу применения.

В качестве следующего этапа методического разьяснения следовало бы задаться вопросом о структурирующих принципах этой области. Здесь я свяжу размышления, касающиеся теории действия, с семиологическими размышлениями. После краткого представления некоторых формальных проблем, связанных с отношениями между структурой социального действия и производством знаков и знаковых систем, я контурно обозначу проблему конституирования языка в социальном мире повседневности. Затем я рассмотрю переплетение структур различных уровней в практике повседневной реальности и попытаюсь показать социальную функцию (точнее, взаимосвязь функций систем коммуникации), в первую очередь языка, не упуская из вида социально-структурное предназначение систем коммуникации.

Однако между первым разьяснением и следующим за ним систематическим анализом нужно включить еще одно размышление. Мы должны попытаться обрести достоверность в проблемной области, обозначенной грифом «коммуникация», в перспективе критики донаучной и постнаучной форм познания. Непосредственным поводом служит то, что коммуникативная метафорика (а косвенным образом — и более четко сформулированные категории теории коммуникации) находится в рамках настоящего обсуждения под угрозой овеществления и онтологизации. Если эту опасность не устранить, вполне возможно, что общую метафору коммуникации ждет та же судьба, что и до нее (если ограничиться лишь двумя примерами) понятие организма или позднее механицистское понятие гомеостаза. После потрясающего успеха в качестве социально-научных парадигм, несмотря на частичную ценность связанного с ними знания, эти категории были сосланы в чулан истории науки. В свете имеющегося у нас сегодня знания относительно процессов развития науки не следует думать, будто общая метафора коммуникации могла бы избежать подобной участи. Овеществление и онтологизация схем объяснения мира являются характерной чертой механизмов легитимации, с давних пор определявших построение донаучных космологий и общественных идеологий [2]. Но и «галилеевская» наука Нового времени не была в состоянии освободиться от явных признаков овеществления вплоть до возникновения посткантианского познавательного-критического и научно-теоретического способа осмысления. Это обстоятельство имеет для методологического обоснования гуманитарных наук далеко идущие следствия. Гуманитарные науки вынуждены делать предметом методологической рефлексии свои собственные предпосылки. Случай оправдания гуманитарных наук — это всякий раз пример постоянной «мюнхаузениады». Но если гуманитарные науки не намерены отказываться от задачи понять человека в его социальности и историчности, т. е. с учетом того, как сам человек понимает себя до, вместе и после науки, они должны ставить перед собой свои основные эпистемологические и научно-теоретические проблемы. Эти проблемы лучше всего выражаются в понятии «эпистемологической рефлексивности». Эпистемологическая рефлексивность — не что иное, как философская формулировка того, что в иной плоскости предстает как требующая прояснения взаимосвязь между intersубъективностью и коммуникацией. Разумеется, если

коммуникация, или, точнее, коммуникативная компетентность, полагается как окончательная, не подлежащая сомнению данность теоретико-познавательного осмысления, методологическое самоосмысление социальных наук способно лишь на легитимацию своей собственной «наивной» теории или превращение в идеографическую герменевтику. Процесс познавательно-критического удостоверения, избегающий оба этих неудовлетворительных решения, должен вернуть жизненный мир в качестве «забытого смыслового фундамента» науки [5, с. 86]. Картезианский исходный пункт любого размышления, стремящегося обеспечить себе достоверность исходя из своих собственных предпосылок, — это собственное сознание. Рефлексирующее сознание должно лишь предоставить себе метод, который сможет точно описать интенциональную деятельность сознания, не прибегая к сомнительным теориям науки и здравого смысла, а также к онтологии в качестве предпосылок этого смелого предприятия. Развитые Гуссерлем методы феноменологического *époché*, различных этапов редукции, эйдетической вариации и т. д. дают интересующий отчет о предпосылках феноменологического описания жизненного мира. Такое описание должно прояснить деятельность сознания, на которой основываются коммуникативные действия и, в конечном счете, научные и обыденные системы истолкования и объяснения [58]; оно должно, следовательно, найти свое оправдание в чем-то другом, а именно в интересующем контроле самоданностей сознания.

Процесс удостоверения начинается для нас, исторически и биографически обнаруживающих себя в научном, а не в мифическом *universe of discourse*, с рассмотрения общей космологической задачи естественных и социальных наук. Эти науки стараются решить данную задачу, следуя — отчасти в противоположность (а отчасти в соответствии) донаучным космологиям — определенным правилам разумности и верификации, подлежащим анализу с позиций истории науки и социологии знания. Теоретическая деятельность, образующая предпосылки научных космологий, может, с одной стороны, формализовываться в логических моделях, но, с другой стороны (аналогично теоретической деятельности, результатом которой оказываются различные исторические проявления здравого смысла), может быть прослежена в обратном направлении — в практике повседневного жизненного мира. Эта практика, в свою очередь, является интересующим-коммуникативно-социальной и в соответствии с этим и структурирована, однако отсылает, в конечном счете, к активным и пассивным синтезам субъективных, протекающих во внутреннем времени процессов сознания. Если мы обыкновенно полагаем коммуникацию как что-то само собой разумеющееся, мы должны быть в состоянии, по крайней мере в принципе, показать слои фундирования (*Fundierungsschichten*) подобного полагания, критически взглянув на способ нашего познания. Тем самым мы сможем попытаться воздать должное эпистемологической рефлексивности социально-научных теорий (ср. в связи с этим: [50]).

II. Опыт, действие, знак

Если общая метафора коммуникации понимается всего лишь как утверждение о структуре мира — либо только человеческого мира, — она является не более чем догматическим верованием. Мир — это не коммуникация, и взгляд на общий мир как на код с полным правом может быть отнесен к теологии. Однако вполне оправдано такое понимание данной метафоры, согласно которому коммуникативная среда человека образует ядро его жизненного мира, вследствие чего коммуникация как минимум имплицитно некоторым образом в жизненный мир в целом. Само собой разумеется, способ данной имплицитности еще нуждается в более точном определении. Тем не менее уже с самого начала можно зафиксировать, что сознание и сообщение, сообщение и интересующий, интересующий и общество взаимообусловлены — возможно, даже именно в такой последовательности. У Гуссерля данное обстоятельство представлено следующим образом: «Когда мы живем в мире бодрствуя, мы постоянно, замечаем мы это или нет, сознаем мир, сознаем его как горизонт нашей жизни, как горизонт “вещей” (реальных объектов), наших действительных и возможных интересов и занятий. Всегда выделяется на мировом горизонте

горизонт совместно живущих с нами людей... Именно к этому горизонту человечества принадлежит общий язык. Человечество предполагается заранее как непосредственное и опосредованное языковое сообщество... Объективный мир с самого начала это мир для всех... Его объективное бытие предполагает людей как людей их общего языка... Таким образом, люди как люди, человечество окружающих людей, мир... и, с другой стороны, язык нераздельно переплетены и всегда уже осознаны в своей неразделимой связанности горизонтно, хотя обычно лишь имплицитно» [6, с. 217–218].

Взаимосвязанная структура отношений, объединяющая сознание, коммуникацию, интерсубъективность, знаковую систему, общество и «объективный мир», является специфически человеческой. «Коммуникация» важна, конечно, и для других видов, что ясно показало исследование поведения различных видов — причем не только приобретших в этом смысле широкую известность приматов. Она выполняет функцию сохранения вида, а у высших видов нередко и функцию сохранения отдельных его особей. Она является важным фактором в процессах эволюционного отбора, хотя и по-разному у различных видов (ср., напр.: [33]). Особый интерес представляет, конечно, исследование приматов, достигшее в последние двадцать лет больших успехов как в естественных, так и в экспериментальных условиях. Исследования Премак и супругов Гарднер еще раз недвусмысленно доказали наличие у приматов не только элементарных процессов семантизации. Это было известно и раньше. Прежде всего они показали, что шимпанзе в экспериментальных условиях способны развивать рудиментарный синтаксис, точнее говоря, обучаться, в том случае если от них не требуют производства артикулированных звуков (что при положении их надгортанника представляется не вполне рациональным), а используют их визуально-кинетические способности. Однако шимпанзе не только не создают эти синтаксические системы коммуникации самостоятельно, но и, обучившись им с помощью исследователей, не передают их своим собратьям, а также не используют во взаимодействии между собой, несмотря на определенную индивидуальную семантическую креативность (см.: [31, 56]).

Как бы то ни было, при рассмотрении уходящего далеко вглубь процесса развития экспрессивных и когнитивных предпосылок семиотической способности у людей (см.: [46]) создается впечатление, что в том, что касается производства человеком знаков, а точнее, производства знаковых систем, был сделан исключительно важный эволюционный скачок. Во всяком случае, для специфически человеческих, а значит исторических обществ положение дел слишком сложно, чтобы оно могло быть понято с биологически-редукционистской точки зрения (см.: [38; 57]). Хотя и можно, вероятно, сказать, что системы коммуникации в целом обеспечили [человеческому] виду избирательное преимущество, точнее, что в связи с развитием мозга, прямохождением, изменением поля зрения и определенным изменением его экологической ниши (и связанных с этим образцов социального поведения) отбор стал осуществляться на основе «языка». Вероятно, с точки зрения теории эволюции можно объяснить даже некоторые элементарные принципы построения человеческих языков. Однако сверх этого данный уровень объяснения ничего не дает. Что касается человеческих обществ, то коммуникативные способности человечества как вида лишь в незначительной степени объясняют основывающееся на них социальное (а не связанное с видовыми признаками) конструирование знаковых систем.

Несмотря на господствующее с некоторого времени убеждение, что человеческий язык не упал с теологических или биологических небес, полностью удовлетворительную теорию *человеческого* производства человеческих структур коммуникации разработать не удалось. До сих пор встречаются теоретико-языковые и семиотические рассуждения, полагающие системы коммуникации, в первую очередь язык, просто как сформировавшиеся к настоящему моменту данности социально-исторического мира и «наивно» с научно-теоретической точки зрения берущиеся анализировать внутреннюю структуру этих данностей, а также их диахронические модификации. Не так уж много дает объяснение проблемы конституирования знаков и аксиоматической, не поддающейся толкованию «глубинной структуры», врожденной семиотической способности человека лишь

биологической обусловленностью. Это была неудачная — вследствие ее наивной посылки, — хотя и героическая по своему замыслу, а также последовательная в исполнении попытка объяснить формирование языка, предпринятая бихевиористской теорией научения.

Поиск принципов отношения между социально сконструированной реальностью, коммуникацией и субъективной деятельностью сознания должен начинаться с анализа конституирования знаковых систем в *человеческом* жизненном мире. Это более сложная задача, выполнение которой должно осуществляться двояким образом. Во-первых, в феноменологическом плане необходимо раскрыть отношение фундирования, существующее между субъективной деятельностью сознания и социальными системами коммуникации, причем очевидность самого сознания выступает не только методически надежным исходным пунктом, но и путеводной нитью феноменологического конститутивного анализа. Во-вторых, в плане накопленного научным *universe of discourse* опыта следует исходить из эмпирической обусловленности индивидуального сознания исторически конкретной социальной системой конституирования и опосредования реальности. Здесь следовало бы рассмотреть причинно-функциональную взаимозависимость общественных структур, социальных действий и коммуникативных актов. Предпринимая подобную «параллельную акцию», результаты которой к тому же должны быть приведены в принципиальное соответствие друг с другом, необходимо избежать ошибки, которую совершает пансемиотизм (в последние годы приобретший блистательных защитников). В основе позиций как Барта, так и Эко можно усмотреть простое отождествление социальных знаковых систем с общественными структурами смысла (см.: [1; 19]). Это может иметь большую эвристическую ценность, что великолепно продемонстрировал в своих исследованиях первобытных систем классификации Леви-Стросс (см.: [10]). Для точного же определения структуры и функции знаковых систем следовало бы вновь обратиться к дюркгеймовско-десоссюровскому пониманию последних как специфических и относительно «автономных» структур коммуникации и классификации [7; 13].

Таким образом, как не все в мире является «коммуникацией», так и мир не состоит всего лишь из «знаков» (и чудес). Верно, что все может *стать* знаком, однако необходимо показать, при каких условиях это происходит. Эти условия должны отсылать к специфической деятельности сознания человека и к специфической структуре человеческих действий в конкретной intersубъективности *face-to-face situation*. Данный тезис требует обоснования.

Деятельность сознания, лежащая в основе любого производства знаков и их использования, есть аппрезентация: разъяснение структуры аппрезентации берет начало в анализах Гуссерля (уже в: [43, прежде всего Bd. II, Teil II]), где она еще понимается в терминах «компонентов созерцания и значения», но уже узнается в своей функции отношений сигнификации. Позднее она включается в общий анализ пассивных синтезов и активной деятельности сознания в восприятии, суждениях и в конституировании intersубъективности (см.: [41, 1. Aufl., особ. S. 79; 42, особ. S. 162 ff., но прежде всего: 40, особ. S. 138–149]). Развитие гуссерлевской традиции самосовершенствующегося и самокорректирующегося описания деятельности сознания и ее функций в построении жизненного мира принадлежит в первую очередь Арону Гурвичу (см. прежде всего: [34]), Дориан Кэрнс и Альфреду Шюцу (ср. в связи с этим прежде всего: [17]).

Аппрезентация как активная деятельность сознания основывается на простейших аппрезентативных синтезах сознания. Они, в свою очередь, базируются на первоначальных пассивных синтезах ассоциации (или «образования пары»). «Для ассоциативного образования пары характерно то, что в простейшем случае два данных присутствуют в единстве созерцающего сознания как выделенные» [4, с. 404], причем необходимо учесть, что «условием возможности всякого единства созерцания» является его «временное единство» [41, S. 214]. Уже в такой форме образования пары обнаруживает себя «некоторое перекрывающее распространение интенции... взаимное пробуждение (*Sich-wecken*), надвигание друг на друга, взаимное перекрывание в отношении предметного смысла» [4, с. 404]. «Благодаря этому совмещению между образующими пару осуществляется перенос

смысла, т. е. апперцепция одного соответственно смыслу другого, пока данность в опыте не реализует в себе смысловые моменты, которые прекращают этот перенос в сознании *Другого*» [4, с. 404; выделено Гуссерлем].

Аппрезентативное образование пары и совершающийся при этом перенос смысла по аналогии отличаются от простого соединения (Kopplung). В простейших формах образования пары имеет место единство постижения при одновременном наличии двух данных. На интересующем же нас уровне «ассоциативного сочетания» происходит синтез «презентированного» и «непрезентированного» [41, S. 79]. Но это именно та основная структура сознания, которую и следует рассматривать в качестве предпосылки так называемой семиотической способности человека: «Аппрезентация как таковая... предполагает определенное ядро презентации... обе так слиты воедино, что находятся в функциональной общности *одного* восприятия, которое одновременно в себе презентует и аппрезентирует...» [4, с. 412]. Знак, который всегда может быть чем-либо еще, в каждом случае является отнесением (Verweisung) презентированной данности сознания — и уже здесь следует уточнить: данности восприятия — к непрезентированной данности. Это отношение отнесения, синтаксически неразделимо осуществляющееся в суждении, мы предварительно назовем *значением*. Однако прежде чем определить это понятие более точно, необходимо описать конституирование *смысла* в опыте и действиях.

Сознание не является чем-то самим в себе, но всякий раз сознанием чего-то. Оно состоит из текущих синтезов, в которых презентуется нечто, что не является сознанием. Я-полюс этих процессов просвечивает уже в отождествляющих синтезах внутреннего времени как функциональном центре всей деятельности сознания. Все фазы, неразрывно слитые друг с другом, только-только завершившиеся, актуально протекающие (но уже исчезающие) и ожидающиеся (актуально всегда более или менее осуществляющиеся), направлены от Я-полюса на что-то иное. То, на что они направлены, интенциональный коррелят (ноэма) протекающих синтетических процессов (ноэзис) раскрывается в универсальной структуре, безразлично о каких изменениях сознания идет речь, как, например, воспринимаемое представление, воспоминание, воображаемое представление и т. д. Эта структура состоит из тематического ядра, помещенного в тематическое поле, которое, со своей стороны, окружено открытым горизонтом (см.: [42; 34; 45, особ. гл. IX]). *Что* каждый раз выделяется в качестве тематического ядра, *как* это структурируется в своем поле и *почему* это, а не что-то иное, — это вопросы, рассматриваемые обычно как проблема внимания и релевантности, входять в которые подробнее я здесь не намерен (см.: [16; 58]). В потоке сознания «переживания» конституируются в качестве тематических ядер на основе пассивных синтезов. В конституировании этих переживаний участвуют связанные друг с другом тематические, интерпретативные и мотивационные структуры релевантности.

Переживания содержат не только актуальные ядра самих фаз переживания. Каждое переживание содержит наряду с актуальными темами также и аппрезентированные тематические составные части. К переживанию дерева относится не только актуально воспринимаемая, данная в непосредственной очевидности передняя сторона, но и одновременно аппрезентированная тыльная сторона. Содержательное «наполнение» аппрезентированных составных частей может быть достаточно разнообразным, однако в целом может быть рассмотрено как функция предыдущих опытов, отложившихся в субъективном запасе знания благодаря субъективным структурам релевантности. Во всех переживаниях, которые принадлежат сфере реальности жизненного мира повседневности, *автоматически* аппрезентируется их соответствующий «тип» (схема связанных друг с другом, выделяющихся тематических элементов). Еще до того, как семантические классификации, такие, например, как сосна, будут социально переданы и войдут в субъективный запас знания, актуально пережитому визуальному образу автоматически аппрезентируется характерная взаимосвязь свойств прикосновения, запаха и употребления, так что и без того уже схваченный в качестве типичного визуальный образ типичным образом наполняется другими модальностями и функциональными взаимосвязями. Все эти

синтезы и аппрезентации сливаются в само собой разумеющемся единстве постижения предметов в повседневном опыте. Содержательное наполнение типизации может быть опять же понято как функция соответствующего субъективного запаса знания. Переживания всех видов, а не только относящиеся к предметам, пред-конституируются в качестве типичных уже на этом уровне, а именно на уровне автоматических, пассивных синтезов.

Некоторые переживания выделяются благодаря тому, что Я обращает на них свое внимание, активно занимается ими. Такие переживания, в которых Я, так сказать, ангажировано, отмечены в частности более высокой степенью определенности и выделенности ядра переживания и более высокой тематической согласованностью процесса переживания. Без сомнения, они образуют лишь часть всех процессов сознания, однако имеют особое значение как для теории действия, так и для теории знаков. Назовем их *опытом*.

Опыт является актуальными процессами сознания и как таковой еще не обладает «смыслом». Смысл конституируется лишь благодаря тому, что Я обращается в последующем к своему опыту и придает ему связность, выходящую за пределы простой актуальности первоначального опыта. Смысл конституируется, таким образом, в сознательно схватываемом отношении между опытом и чем-то другим. Это другое может быть другим опытом, который схватывается как такой же, схожий, противоположный и т. д. Другое может быть также целой системой опыта, с которой начинает соотноситься рефлексивно схватываемый опыт. Но это могут быть и более высокого уровня типизация, принцип действия, решение проблемы, моральное оправдание и т. д., которые «присваивают» опыту его смысл. «Как» и «почему» рефлексивных обращений сознания, в которых конституируется смысл опыта, зависит не только от соответствующей ситуации — в своих рефлексивных обращениях Я время от времени отворачивается от актуальной ситуации, — но и от общей взаимосвязи действий, в которой укоренен опыт, и, наконец, от структур релевантности субъективного запаса знаний, в первую очередь и определяющего опыт, как и ситуацию в целом.

Из потока сознания выделяются переживания; в процессе переживаний конституируется опыт; некоторые [данные] опыта осмысленны. Они имеют особую временную структуру и благодаря этому — смысловое измерение, выделяющее их из всего остального опыта. Назовем процессы протекания опыта, направленные от Я к цели, *действиями* (см. обстоятельный анализ структуры действия у Шюца: [14; 15; 18]. Действия являются, таким образом, мотивированными процессами протекания опыта, в той мере, в какой мотив есть достижение цели. Однако в актуальном протекании опыта цель, проект действия, является предвосхищенным, представленным в воображении опытом «конечного состояния». Вследствие этого любое действие имеет, по меньшей мере, актуальный смысл, конституируемый в сознательном (но не обязательно рефлексивном) отношении между соответствующим опытом (в качестве фазы протекания действия) и аппрезентированным проектом.

Само собой разумеется, любое действие, как и любой другой опыт, может быть впоследствии (что значит, конечно, — после какой-нибудь фазы, перед своим «окончанием») тематизировано и тем самым включено в интерпретацию, где ему рефлексивно придается смысл — таким образом, дополнительный, измененный, иной смысл, нежели тот, в котором первоначальное действие было конституировано в качестве спроектированного протекания опыта.

Особая и принципиально важная для прояснения процесса конституирования знаков форма действия — социальное действие. Формально оно может быть определено как такое действие, в проекте которого аппрезентируется *alter ego* (или тип «Других», или основанная на нем социальная «структура»). Однако нас интересуют прежде всего такие социальные действия, проект которых ориентирован на ближнего в общем окружении. Это социальное действие, осуществляемое в конкретной интерсубъективности, в *face-to-face situation*. Проект действия ориентирован здесь на отдельного, данного в своей телесности, хотя, конечно, и схватываемого всегда в своей типичности ближнего. Осуществление соответствующего проекта действия всегда может испытать влияние со стороны действий ближнего. К

III. Конституирование языка в жизненном мире повседневности

Язык — если воспользоваться программным оборотом Марселя Мосса — это *un phénomène social total*. Ориентируясь на это, социологическая теория коммуникации должна не только рассмотреть язык с точки зрения его формальной структуры, но и попытаться осмыслить общую взаимосвязь *условий* его общественного *происхождения*, полноту его социальных *функций* и их конкретную закладку в *социальные действия*. Уже в анализе языка Вильгельма фон Гумбольдта (см. прежде всего: [39]) объединялись филогенетические, онтогенетические, функциональные и феноменолого-аналитико-конститутивные перспективы — в последнем пункте, разумеется, *avant la lettre*, если и в неочевидном следовании феноменологии Гегеля. Данные перспективы обнаруживаются чуть позже и у Маркса: «Язык так же древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» [11, с. 29].

Социологическая теория коммуникации должна по-прежнему признавать за языком бесспорно центральное значение в качестве основной системы социального формирования сознания, опосредования реальности и структурирования действий. Это значение языка как моста между человеком, другими людьми в его ближайшем окружении и «объективным» миром закрепилось за ним в процессе общественного развития человеческого сознания в ходе конкуренции, а также частичного совмещения с другими структурно-предусмотренными возможностями протознакового взаимопонимания. Научный интерес к филогенетическим, онтогенетическим и функциональным постановкам вопроса с полным основанием входит в заявленный здесь в качестве цели феноменологический анализ конституирования языка, поскольку именно последний должен послужить опорой семиотике с позиций теории сознания и действия (подробнее об этом: [52]).

Простейший слой фундирования для анализа — субъективное переживание звуковых образов. Это переживание, правда, само является результатом синтетических процессов сознания, в которых предметы восприятия конституируются в качестве ядер тематических полей. Выше на это кратко указывалось. Однако здесь не место обстоятельному описанию конституирования аудитивных объектов вообще как сущностно временных объектов. В переживании языковых форм мы должны пока вынести за скобки то, что принадлежит более высокому конститутивному уровню, т. е. то, что собственно и делает звуковые образы языковыми формами. Мы должны прежде всего исключить отношение отдельной языковой формы к системе языковых форм, затем производство языковых форм в действиях окружающих людей и, наконец, закладку языковых форм в ситуацию конкретной intersубъективности.

Но и после этого переживание звуковых образов, взятое как переживание «естественно происходящего», указывает на некоторые достойные внимания особенности. В отличие от переживания многих других предметностей жизненного мира повседневности, языковые формы презентуются в особой смысловой модальности. Они схватываются как временные объекты. В противоположность многим другим событиям в общем окружении их актуальность тут же исчезает, хотя в момент своего производства они и являются неотъемлемой составной частью intersубъективно организованного «объективного» окружения. Переживание звуковых образов конституируется в ходе непрерывной синхронизации внутренних временных синтезов и «внешнего» (т. е. интенционально презентующегося в качестве такового) протекания. Оно конституируется политетически, шаг за шагом, в различных оттенках высоты и силы звука, ритма и мелодии, однако в единстве восприятия. Эти оттенки образуют тематическое поле вокруг ядра звукового образа.

Данные переживания с самого начала автоматически конституируются как типичные переживания, причем в зависимости от обстоятельств тематизируется тот или иной оттенок. В соответствующем ситуационном контексте вследствие отложившегося в субъективном запасе знания предварительного опыта происходит обращение Я к типичному тематическому ядру звукового образа в характерном тематическом поле таких оттенков. В результате этого Я-обращения переживание звуковых образов превращается в хорошо поддающийся описанию, воспроизводимый опыт. Этот опыт служит основой для восприятия простых (но в то же время и более высокого уровня) аппрезиаций и воспроизводимого смысла.

В *face-to-face situation* эти переживания звуковых образов соотносятся с событиями, схватываемыми людьми в рамках их ситуации как события в пределах общей досягаемости. Я переживаю последовательность звуков как нечто, что мой партнер по ситуации переживает как приблизительно то же самое. Это основывается на присущем жизненному миру всеобщем тезисе взаимности перспектив, подробно проанализированном Шюцем. В *face-to-face situation* у меня есть не только непосредственное переживание последовательности звуков, но и непосредственно переданное переживание моего партнера по ситуации. Когда я обращаю свое внимание на моего ближнего, я вижу, что он внимателен к процессу, тематически релевантному и мне. Таким образом, у меня есть не только осознанная очевидность политематического конституирования *моих* переживаний последовательности звуков, но и непосредственная, сообщенная его телом очевидность политематического конституирования *его* переживаний той же последовательности звуков. Последовательность звуков переживается как «объективная» и в то же время может быть схвачена как указание на субъективные переживания ближнего. Это переживание последовательности звуков в *face-to-face situation* может оказать помощь в обосновании конкретной интерсубъективности.

Сказанное верно в целом в отношении последовательностей звуков в пределах общей досягаемости партнеров, а значит и в отношении аудитивных событий, которые не являются произведенными ближним. Если я все же переживаю последовательность звуков как произведенную моим партнером по ситуации, она схватывается как его признак (*Anzeichen*), как аппрезиация его субъективных переживаний. При этом она ни в коем случае не теряет свое свойство «объективного» события в общем окружении. Произведенные ближними звуковые образы являются лишь одними из многих их признаков, находящихся в моем распоряжении в *face-to-face situation*. В принципе любой аспект внешнего поведения ближних, любое действие и любой результат действия могут служить признаком их «внутренней жизни» (т. е. их сознания). Наряду со звуковыми образами кое-что о настроении, намерениях, состоянии здоровья, характере и т. д. ближних могут сообщить и выражение лица, жесты, походка, неподвижность или запах.

Намеренно либо ненамеренно произведенные ближним звуки сочетаются с другими признаками его субъективных процессов. Вместе с последовательностями звуков они более или менее автоматически схватываются в моем сознании как аппрезиативные отнесения к *его* переживаниям или опыту. Типичные сочетания наблюдаемых синдромов признаков и внутренних состояний (настроений, установок, мотивов, планов и т. д.) откладываются в запасе знания наблюдателя в качестве схем объяснения (см.: [58]). Различные комбинации признаков могут входить в одну единственную схему объяснения, примененные по отношению к избранным ближним схемы объяснения могут обобщаться и в качестве общепринятого способа отложившихся схем объяснения модифицироваться применительно к отдельным ближним. Интерсубъективно формирующиеся структуры релевантностей определяют при этом степень точности, ясности и своеобразия соответствующей схемы объяснения. Это значит, что при конституировании образцов объяснения для синдромов признаков особенно важны как их закладка в одновременные или последовательные процессы протекания действий ближнего, так и значимость этих процессов для моего собственного действия.

Схемы объяснения, аппрезирующие «внутреннюю жизнь» ближних, без сомнения, имеют особое филогенетическое и онтогенетическое значение. В принципе они могут

основываться на любой модальности восприятия, в любой комбинации признаков. Различные формы выражения, например, крик, ворчание и махание кулаком, могут схватываться как признаки одного и того же «внутреннего состояния»; но и какая-либо одна форма выражения может служить в качестве главного признака, в то время как другие будут указывать лишь на изменения интенсивности этого состояния. В филогенетическом отношении выбор аудитивной модальности в качестве основы интерсубъективной системы высокодифференцированных аппрезентаций не имеет под собой какого-либо основания, которое само по себе являлось бы абсолютно достаточным. Преимущество звука перед важнейшей для человека модальностью ориентации в мире — зрением, а также перед осязанием и вкусом, находится, вероятно, во взаимосвязи со строением человеческого тела, эмпирической природой звука и прежней экологией [человеческого] вида. Уже не раз указывалось на значение того обстоятельства, что звуки можно услышать за углом, сзади, ночью, в любом состоянии здоровья и за любым возможным занятием. Но важно и то, что звуковые образы являются временными объектами: их политегическое конституирование в соединении с оттенками восприятия высоты звука, его силы, ритма и т. д. обеспечивает практически неисчерпаемое количество комбинаций простых и комплексных звуковых образов.

Для конститутивного анализа еще важнее другое обстоятельство. С одной стороны, звуковые образы — это формы выражения. Имеются в виду признаки, схватываемые как произведенные другими существами, причем в настоящем контексте из этих существ нас непосредственно интересуют исключительно ближние. Формы выражения становятся элементами образцов объяснения, аппрезентирующих сознание ближних. С другой стороны, они являются «объективными» событиями в общем окружении партнеров по *face-to-face situation*. Это значит, что — за вычетом множества оттенков восприятия, заключенных в скобки в качестве нерелевантных, — я переживаю их так же, как их переживает, как я полагаю, и мой партнер. Они аппрезентируют, следовательно, субъективное переживание ближнего, но в то же время выступают — так сказать, на этапе их конституирования — в качестве «естественных событий» в общем окружении, как основа синхронизированного *интерсубъективного* переживания партнеров по ситуации. Это не относится к важнейшему в филогенетическом плане конкуренту звука — зрению. Визуально переданные «естественные события» в пределах общей досягаемости партнеров, само собой разумеется, могут переживаться совместно, но не важнейшие визуальные формы выражения и жесты. Последние в каждом случае переживаются только одним партнером, но не тем, чью «внутреннюю жизнь» они аппрезентируют в данной ситуации.

Хотя формы выражения, на которых основывается язык, в этом весьма значимом смысле являются «объективными», «объективированные» формы выражения как таковые еще не конституируют знаков. В дополнение к описывавшимся до сих пор слоям фундирования конституирование знаков имеет еще одну существенную предпосылку: отражение Я (*Selbst*) в переживании ближнего. Это условие выполняется *только* в *face-to-face situation*. Лишь здесь мы переживаем ближних непосредственно и не только при помощи «объективных» образцов объяснения как «естественные» события, но и в схемах субъективных смысловых порядков. Точнее, тело ближнего аппрезентирует его переживания и его опыт одновременно в типичных и более или менее своеобразных ситуационно-специфических аспектах.

Переживание ближнего содержит в этой ситуации и меня тоже. В большинстве случаев его переживание меня образует даже тематическое ядро его опыта. *Мой* непосредственный опыт ближнего передает мне затем опыт меня самого в соответствующей перспективе восприятия *его* опыта. Согласно присущему жизненному миру тезису взаимности перспектив, до тех пор, пока не доказано обратное, я полагаю, что протекание опыта у моего партнера осуществляется тем же самым образом, что и у меня. Чарльз Хортон Кули использовал для этого, как известно, очень точное выражение «*looking glass effect*», а Джордж Герберт Мид подробно описал этот процесс с точки зрения структуры и его онтогенетической функции [25; 9; 53].

Как только «объективированные» формы встраиваются в интерсубъективный процесс отражения, характеризующий социальное действие в конкретной интерсубъективности, появляются предпосылки для конституирования прототипических знаков. Та или иная форма выражения в пределах общей досягаемости партнеров по ситуации может намеренно производиться одним либо другим, переживаться обоими одинаково и обоими схватываться с помощью аналогичных схем объяснения. Партнеры теперь выражают не просто внутреннее состояние; они обращены не только к некоему событию в общем окружении; они действуют не только в плане простого обмена социальными действиями. Скорее они действуют, чтобы выразить нечто, опыт (*Erfahrung*) чего они постигают (*erfahren*) благодаря партнеру в ходе длящейся взаимности. Они предвосхищают истолкование своего выражающего действия и интерпретируют аналогичные выражающие действия партнера с помощью одних и тех же схем объяснения.

Условия конституирования языка в жизненном мире повседневности, стало быть, таковы: «объективность» звуковых переживаний, симптоматичность (*Anzeichenhaftigkeit*) звуковых образов, выразительность (т. е. аппрезентативное отнесение к «внутренней жизни») типичных звуковых образов, типичная производимость звуковых образов в действиях, т. е. целенаправленное (*vorentworfen*) объективирование субъективного опыта в *face-to-face situation*. Исходя из этих условий, может быть выведено конституирование прототипических знаков. Однако прежде чем прототипические знаки станут знаками в полном смысле этого понятия, они парадоксальным образом должны отделиться от известных условий своего происхождения в конкретной интерсубъективности.

Языковые формы оказываются существенно отделенными от актуальности в каждый данный момент протекающих субъективных переживаний. Все формы выражения схватываются как признаки более или менее типичных, повторяемых переживаний. Однако взаимный социальный контроль партнеров в процессе отражения и субъективный контроль за «объективным» событием повышают согласованность производства и истолкования языковых форм. Хабиутализация и институционализация оказываются в данном случае неразрывно связанными.

Языковые формы, кроме того, существенно отделяются от пространственных перспектив конкретной *face-to-face situation*. Идеализация, приводящая к тому, что имеющееся у партнеров различие перспектив понимания может быть вынесено за скобки, является следствием допущения о взаимности перспектив. В результате соединения с упомянутой выше временной идеализацией, которая заключает в скобки актуальность переживаний в аппрезентативном соотношении, происходит дальнейшее отделение языковых форм (т. е. их типичного значения) от связанного с непосредственным окружением опыта.

Кроме того, языковые формы существенно отделяются и от индивидуальных обстоятельств опыта. В известной степени это имеет силу уже для взаимной типизации и интерпретации форм выражения. Заложена в них относительная анонимизация языковых форм приобретает обобщенный характер вследствие соединения с временным и пространственным отделением. Значение становится «объективным».

Помимо этого, языковые формы отделяются от других форм выражения, с которыми они первоначально образовывали экспрессивный синдром. Для объективного значения те формы становятся абсолютно нерелевантными. В ситуациях конкретной интерсубъективности, но только в них, языковые формы могут заменяться другими формами выражения. Кроме того, последние могут вступать с ними (так сказать, в обновленном виде) в аппрезентативные сочетания.

И, наконец, языковые формы отделяются от конкретной закладки в социальные действия. Значение языковых форм становится относительно независимым от непосредственного прагматического контекста ситуации. Именно это и является исключительным преимуществом языковых форм, а именно, что они могут входить в качестве определяющих и стабилизирующих в планирование и координацию социальных действий, выходящих далеко за пределы конкретной интерсубъективности. Употребление

языковых форм, речь является, конечно, действием, но язык должен пониматься как квазиидеальная система инфраструктуры практически всех действий, обнаруживающих определенную комплексность или рассчитанных на длительный промежуток времени.

В результате данного отделения от собственных условий происхождения языковые формы как прототипические знаки становятся знаками почти в полном смысле этого слова. (Само собой разумеется, отделение никогда не является абсолютным — разве что в формальных вычислениях. «*Context sensitivity*», на которую указывали, например, Эмиль Бенвенист или Роман Якобсон, сохраняется.) «Почти», поскольку кое-чего еще не хватает, а именно, системности знаков. Любое конкретное социальное отношение, любое следствие социального действия осаждается в субъективных запасах знания в том или ином виде. Протознаки интерсубъективно настолько релевантны, что в высшей степени нагружены воспоминаниями. Каждый протознак получает соответствующее место в интерсубъективной трансляции прошлого или в воспоминании. Первый есть первый, второй есть второй и т. д. Каждый протознак осуществляет в собственном тематическом поле отсылку к предшествовавшим интерсубъективно конституированным протознам. Рассматривать процесс структурирования этих отсылок мне здесь нет нужды. Упомяну лишь, что конститутивный анализ обнаруживает определенные параллели с различными взглядами на структуры поля значений, как они были описаны или, по крайней мере, подразумевались неогумбольтианцами, когнитивной антропологией, этнологией, компонентным анализом и т. д. и на более общем уровне культурными структуралистами. В любом случае интерсубъективное конституирование протознаков с необходимостью дает конституирование знаковой системы.

IV. Структуры и функции

Итак, язык без «структуры» значений немислим уже исходя из его интерсубъективного конституирования. Однако для каждого человека, имеющего предшественников, язык с определенной структурой уже существует как социально предопределенная данность его биографической ситуации. Другими словами, человек рождается в социально-историческом жизненном мире, в котором «общий язык» имеет вполне конкретную историческую структуру. И хотя «естественный» язык не является просто *mathesis universalis* — он представляет собой знаковую систему, для каждого уже исторически предсконструированную и социально передающуюся, — он в то же время есть квазиидеальный код реальности как таковой. Ребенок до последнего шага «воспроизводит» шаги конституирования знаков, конституирования знаковой системы. Нормальным ребенком воспроизводятся процессы интерсубъективного отражения, в которые встроены звуковые образы в качестве объективированных признаков субъективных процессов. С одним важным исключением и существенной разницей! Субъективное овладение языком не повторяет историческое формирование структуры языка. Однако «детские языки» имеют структуру, в конституировании которой дети принимают *активное участие*. И, само собой разумеется, усвоение ребенком языковых структур на различных уровнях-стадиях следует структурным правилам (см.: [44]). Напротив, эта структура уже с самого начала входит в процессы интерсубъективного отражения, имеющие место между ребенком и взрослыми, а не строится в них «заново». Структура любого «естественного» языка является результатом сложной исторической последовательности осаждающихся социальных действий, посредством которых осуществлялась коммуникация. Структура языка и, в целом, структура «естественных» знаковых систем определяются непосредственно структурой прошлых коммуникативных действий и тем самым опосредованно общественными структурами, образующими матрицу коммуникативных действий. Эти структуры могут быть рассмотрены как институциональные процессы стабилизации человеческого действия и человеческой ориентации в мире. В связи с этим возникает вопрос, в чем состоит функция языка и, в целом, знаковой системы в жизненном мире человека.

С точки зрения теории эволюции, функция систем коммуникации является прагматической: адаптация поведения к интра- и интерспецифическим окружающим мирам. Хотя это и верно — вследствие расплывчатости понятия приспособления — в отношении человеческих систем коммуникации, однако мало что говорит о своеобразии языка как intersубъективной, взаимной и интенциональной знаковой системы. Знаковые системы, среди которых язык филогенетически, онтогенетически и общественно-функционально — одна из самых важнейших, являются аппрезентативными структурами, intersубъективно создаваемыми, исторически отложившимися и социально передающимися. Лишь косвенно это указывает на основную прагматическую функцию знаковых систем. В истории философского и научного рассмотрения языка о ней говорилось с различных точек зрения и в достаточно разнообразных формулировках, но в сущности одно и то же. Знаковые системы действуют как «мостики» между актуальным опытом отдельного человека и чем-то иным либо вовсе отличным.

«Иное» — это прошлый опыт отдельного человека (прежде всего его социальный опыт), а также его проекты будущих действий. Уже в субъективной сфере покоятся все запутанные толкования смысла, но прежде всего стабилизации смысла во времени, в ярко выраженной и сложно дифференцированной способности языка и производных от языка знаковых систем обозначать. Само собой разумеется, субъективное накопление опыта не предполагает с необходимостью знаковых систем. Однако в эмпирическом отношении это все же важная функция социальных знаковых систем. Временные и пространственные идеализации опыта и анонимизация действий заложены в общих чертах уже в типизациях. Знаковые системы нужны для того, чтобы усиливать подобные типизации. Семантико-таксономическое закрепление типизирующих образцов помогает субъективной ориентации и действию. Его эволюционное преимущество для обладающего ограниченным репертуаром инстинктов вида в сложном природном и социальном окружении очевидно.

Относящаяся к жизненному миру субъективная функция знаковых систем может быть резюмирована примерно следующим образом: аппрезентативные соотнесения служат — если воспользоваться языком Шюца — преодолению жизненно-важных трансценденций пространственного, временного и intersубъективного характера. Кроме этого, социально закрепленные, социально переданные и intersубъективно используемые аппрезентативные соотнесения подлинной знаковой системы, а в эмпирическом плане в первую очередь языка, устраняют многозначность и недолговечность всего лишь субъективных, ситуационно обусловленных аппрезентативных соотнесений и типизирующих образцов. Это способствует рутинизации структур субъективных действий, особенно более высокого уровня, но прежде всего служит условием ставшей рутинной взаимности социальных действий. Семантико-таксономическое закрепление релевантных непосредственному окружению, миру и истории типизаций имеет эффект разгрузки — если воспользоваться центральным понятием антропологии Гелена [32]. Эта относящаяся к жизненному миру субъективная деятельность языка основывается на закреплении репрезентативной функции знаков, их семантико-таксономической фиксированности в системе. Предпосылкой этому служит, как показал конститутивный анализ, освобождение языка от условий своего происхождения в конкретной intersубъективности. Язык как «parole» предполагает язык как «langue», как квазиидеальную знаковую систему. Это с очевидностью имеет свои следствия для структуры относящихся к жизненному миру коммуникативных актов. «Context-sensitivity» языка проявляется в совершенно конкретных ситуационных обстоятельствах. Сюда относятся актуализации других форм выражения, большей частью менее четко структурированных, слабее институционализированных и жестко привязанных к ситуации. Правила употребления языка, правила социального действия и правила употребления невербальных форм выражения переплетаются определенным образом, и способ данного переплетения сегодня еще далеко не достаточно схвачен (см., напр.: [29; 28; 30]). Одно, тем не менее, может быть ясно в отношении человеческого общества: это переплетение систем коммуникации в относящихся к жизненному миру конкретных социальных действиях

предполагает язык в качестве квазиидеальной системы, в качестве инстанции объяснения, апелляции и опосредования. Можно сформулировать это и несколько иначе.

Язык — это как главное средство социального *конструирования* реальности, так и главное средство *опосредования* социально сконструированной реальности [3; 2; 35; 36]. В обоих случаях язык выполняет функцию стабилизации, однако, различным образом, в зависимости от того, что берется в качестве исходного пункта рассмотрения: субъективная ориентация в жизненном мире или системная функция коммуникативных действий в обществе. Основная социальная функция языка основывается на его анонимности, на его структуре как квазиидеальной знаковой системы. Только так язык может взять на себя важную роль опосредования реальности, которую он играет в нормальных процессах социализации. После того, как язык в своей репрезентативной функции сначала должен был дать виду как таковому эволюционные преимущества, на нынешней стадии эволюции вида он является субъективным и intersубъективным условием ориентации в мире, формирования идентичности и «пережитого».

Итак, реальность не просто дана. Она социально создается, схватывается в деятельности сознания, которая закрепляется в схемах опыта (см.: [12; 3; 34; 58]). Схемы опыта — это типизирующие способы «решения проблем», формирующиеся на основе экологически, социально и субъективно-биографически определенных диспозиций интересов, причем в них входят также культурно объективированные структуры релевантностей (см.: [53]). Благодаря языку субъективно или полностью социально релевантные схемы опыта обретают в ходе смены поколений форму установок по отношению к реальности (см.: [37]). Как только это произошло, они, со своей стороны, начинают оказывать влияние на индивидуальный опыт и социальные действия как посредством исторически предписанной топографии реальности (от таксономии растений до систем родства), так и посредством логики действий (от ритуалов заклинания до торговых переговоров).

Исходя из смысло-объективирующей репрезентативной функции языка можно вывести различные, связанные друг с другом функции — как в индивидуальной, так и в социальной сфере, как в диахроническом, так и в синхроническом отношении. Объективация однажды опробованного решения проблемы служит основанием социального поддержания реальности и социального контроля. Закрепление содержательно определенных форм коммуникации в социальных институтах, социальных слоях (кастах, сословиях, классах) и группах, семантическое членение релевантных институтам, слоям и группам схем опыта и способов «решения проблем» имеет явную прагматическую функцию передачи знания, но в то же время образует коммуникативное (наряду с непосредственно определенным-согласно-интересам) основание группового, классового и т. д. сознания. Однако из имеющегося языкового запаса может развиваться и контрязык, функция которого — поддержание и даже содействие в развитии контр-реальности (см.: [36]).

Язык — не только квазиидеальная система значений, но и важнейший носитель социального запаса знаний и одна из систем коммуникации. Он является как «формой знания», так и «системой действий». Как форма знания язык социально (неравно) распределен; как система действий он актуализируется в (конкретных) ситуациях и (контингентных) процессах. Это указывает на важнейшие второстепенные функции языка; они касаются социального распределения знания — и социального неравенства как такового, — которое манифестируется в языковых действиях. Само собой разумеется, в большинстве языковых действий проявляется также основная семасиологическая функция языка; нередко именно она и находится в центре.

Основная семасиологическая функция языка реализуется в коммуникативных намерениях говорящего и в соответствующих интерпретациях слушающего — от просьб и приказов, вопросов и ответов, сообщений и шуток до научных докладов, молитв и судебных решений. Однако каждый речевой акт сопровождается оповещениями, которые более менее независимы от того, что хотел сказать говорящий. Речевой знак становится признаком. Из симптоматического богатства индивидуальных речевых стилей, различных репертуаров,

фонологии, интонации, акцента извлекаются ключи к аффективным состояниям, индивидуальности и социальной биографии говорящего. На этой индикативной второстепенной функции основывается фатическая функция: в результате определения положения говорящего в социальной реальности происходит идентификация, возникает солидарность, антипатия, ненависть. Язык играет тем самым важную роль в сплочении групп, равно как и в групповом конфликте (см.: [51]).

Знаковые системы в целом и язык в частности имеют еще одну социально значимую функцию. Они являются орудием легитимации символических смысловых миров. Язык является гарантом «упорядоченных отношений». Как репертуар его значений, так и его риторические возможности играют значимую роль в построении образцов легитимации в общей сфере социального и в отдельных институтах, классах и группах. Однако рассмотрение связи между социально сконструированными структурами доверия и знаковыми системами ведет вглубь области проблем социологии знания, выходя за пределы более узкой области интереса к теории языка и коммуникации.

Литература

1. *Барт Р.* Основы семиологии / Пер. с франц. Г. К. Косикова // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975.
2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
3. *Выготский Л. С.* Мышление и речь // *Выготский Л. С.* Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 2. М., 1982. С. 5—361.
4. *Гуссерль Э.* Избранные работы / Сост. В. А. Куренной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005.
5. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Пер. с нем. А. П. Огурцова // *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука / Составление, подготовка текста и примечания О. А. Сердюкова. Новочеркасск: Сагуна, 1994. С. 49-100.
6. *Гуссерль Э.* Начало геометрии. Введение Жака Деррида / Пер. с франц. и нем. М. Маяцкого. М.: Ad Marginem, 1996.
7. *Дюркгейм Э., Мосс М.* О некоторых первобытных формах классификации // *Мосс М.* Общество. Обмен. Личность. М., 1996.
8. *Кассирер Э.* Философия символических форм. Том 1, 2. Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университетская книга, 2001.
9. *Кули Ч.* Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс, 2005.
10. *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление / Пер. с франц. А. Б. Островского. М.: Terra-Книжный клуб: Республика, 1999.
11. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. В 50-ти т. Т. 3. М.: Политиздат, 1955. С. 7–544.
12. *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. СПб., 1997.
13. *де Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики / Пер. с франц. Изд. 2. М.: «Эдиториал УРСС», 2004.
14. *Шюц А.* Выбор между проектами действия / Пер. с англ. В. Г. Николаева // *Шюц А.* Избранное. М., 2004. С. 116–148.
15. *Шюц А.* Обыденная и научная интерпретация человеческого действия / Пер. с англ. Н. М. Смирновой // *Шюц А.* Избранное. М., 2004. С. 7–50.
16. *Шюц А.* Размышления о проблеме релевантности / Пер. с англ. Н. М. Смирновой // *Шюц А.* Избранное. М., 2004. С. 235–398.
17. *Шюц А.* Символ, реальность и общество / Пер. с англ. В. Г. Николаева // *Шюц А.* Избранное. М., 2004. С. 456–530.

18. *Шюц А.* Смысловое строение социального мира / Пер. с нем. С. А. Ромашко // *Шюц А.* Избранное. М., 2004. С. 687–1022.
19. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. с итал. А. Г. Погоняйло, В. Г. Резника. СПб.: Петрополис, 1998.
20. *Advances in the Sociology of Language I* / Ed. by J. Fishmann. Den Haag / Paris, 1971.
21. *Approaches to Animal Communication* / Ed. by Th. A. Sebeok, A. Ramsey. Den Haag / Paris, 1969.
22. *Approaches to Semiotics* / Ed. by Th. A. Sebeok, A. S. Hayes, M. C. Bateson. Den Haag / Paris, 1972.
23. *Benveniste E.* Le Language et l'Experience Humaine // *Problemes du Language.* Paris, 1966. P. 3–13.
24. *Cognitive Anthropology* / Ed. by St. A. Tyler. New York, Toronto, London, 1969.
25. *Cooley Ch.* Social Organization; The Study of the Larger Mind. New York, 1909.
26. *Culture and Cognition* / Ed. by J. P. Spradley. San Francisco / London, Chandler, 1972.
27. *Current Trends in Linguistics III* / Ed. by Th. A. Sebeok, Ch. A. Ferguson, A. Valdmann, L. Sauer. Den Haag / Paris, 1966.
28. *Directions in Sociolinguistics — The Ethnography of Communication* / Ed. by J. J. Gumperz, D. Hymes. New York, 1972.
29. *The Ethnography of Communication* / Ed. by J. J. Gumperz, D. Hymes // *Sonderband American Anthropologist* № 66, 1964.
30. *Explorations in the Ethnography of Speaking* / Ed. by R. Bauman, J. Sherzer. London, 1974.
31. *Gardner B. T., Gardner R. A.* Tivo-way Communication with an Infant Chimpanzee // *Behavior in Nonhuman Primates* / Ed. by A. Schrier, F. Stollnitz. New York, 1971.
32. *Gehlen A.* Urmensch und Spätkultur. Frankfurt / Main, Bonn, 1964. Bonn, 1956.
33. *Geist V.* Mountain Sheep. Evolution and Behavior. Chicago / London, 1971.
34. *Gurwitsch A.* Theorie du Champ de la Conscience. Bruges, 1957.
35. *Halliday M. A. K.* Explorations in the Functions of Language. London, 1973.
36. *Halliday M. A. K.* Anti-languages // *American Anthropologist* №78: 3, 1976.
37. *Hartmann P.* Die Sprache als Form. Den Haag, 1959.
38. *Hinde R. A.* Biological Bases of Human Social Behavior. New York etc., 1974.
39. *von Humboldt W.* Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die Entwicklung des Menschengeschlechts. Werke III. Darmstadt, 1963. (Die Arbeit stammt aus den Jahren 1830–1835).
40. *Husserl E.* Cartesianische Meditationen und Pariser Vorträge. Den Haag, 1950. (Рус. пер.: Гуссерль Э. Картезианские медитации / Пер. с нем. В. И. Молчанова // *Гуссерль Э. Собрание сочинений.* Т. 4. М., 2001; Гуссерль Э. Парижские доклады / Пер. с нем. А. В. Денежкина // *Логос,* 1991. № 2).
41. *Husserl E.* Erfahrung und Urteil, Untersuchungen zur Genealogie der Logik. Hamburg, 1948. Prag, 1938¹.
42. *Husserl E.* Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie I und II. Den Haag, 1950, 1952. (Рус. пер.: Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1 Общее введение в чистую феноменологию / Пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999).
43. *Husserl E.* Logische Untersuchungen. 5. Aufl. Tübingen, 1968. 1. Aufl. Halle, 1901. (Рус. пер.: Гуссерль Э. Логические исследования / Пер. с нем. Э. А. Бернштейн, предисл. С. Л. Франка. М., 1909. Т. 1; Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 3 (1). Логические исследования. Т. II (1) / Пер. с нем. В. И. Молчанова. М.: Гнозис, Дом интеллектуальной книги, 2001).
44. *Jakobson R.* Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze // *Selected Writings I.* S' Gravenhage, 1962. S. 328–401.
45. *James W.* Principles of Psychology. New York, 1950. 1890.
46. *Jolly A.* The Evolution of Primate Behavior. New York, 1972.

47. Language and Social Context / Ed. by P. P. Giglioli. Harmondsworth, 1972.
48. Language Comprehension and the Acquisition of Knowledge / Ed. by J. B. Carrol, R. O. Freedle. Washington, 1972.
49. Language in Culture and Society / Ed. by D. Hymes. New York, 1964.
50. *Luckmann Th.* Philosophy, Science and Everyday Life // Phenomenology and Social Science / Ed. by Maurice Natanson. Evanston / Ill, 1973b.
51. *Luckmann Th.* Soziologie der Sprache // Handbuch der empirischen Sozialforschung II / Hg. R. König. Stuttgart, 1978. 1. Aufl. 1969.
52. *Luckmann Th.* The Constitution of Language in Everyday Life // Festschrift für A. Gurwitsch / Ed. by Embree. Evanston / Ill, 1973a.
53. *Mead G. H.* Mind, Self and Society. Chicago 1934. (Рус. пер.: Мид Дж. Г. Разум, Я и общество (главы из книги) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Серия 11: Социология. 1997. № 4. С. 162–195).
54. Non-Verbal Communication / Ed. by R. A. Hinde. Cambridge, 1972.
55. The Philosophy of Language / Ed. by J. R. Searle. London, 1971.
56. *Premack D.* Intelligence in Ape and Man. Hillsdale, 1976.
57. *Reynolds V.* The Biology of Human Action. Reading / San Francisco, 1976.
58. *Schütz A., Luckmann Th.* Strukturen der Lebenswelt. Neuwied und Darmstadt 1975. Frankfurt / Main, 1979.
59. Sociolinguistica / Hg. P. P. Giglioli. Sonderband Rassegna Italiana di Sociologia IX/2, 1968.
60. Sprache und Gesellschaft. Jahrbuch 1970 — Schriften des Instituts für deutsche Sprache in Mannheim. Düsseldorf, 1971.
61. Zur Soziologie der Sprache / Hg. R. Kjolseth, F. Sack. Opladen, 1971.

Перевод с немецкого Т. В. Тягуновой